

ISTVÁN FERINCZ

Образ Кирилла-философа (на материале *Похвального слова Кириллу*)

Жизнь и дело Кирилла-философа не перестает привлекать внимание исследователей, к числу которых относится и многоуважаемый юбиляр. Профессор Имре Х. Тот многие годы изучал жизнь и деятельность Кирилла и Мефодия. Результатом изучения этой темы явилась его монография о жизни и деятельности Константина-Кирилла и Мефодия (H. Tóth 1981), переведенная потом и на болгарский язык (Тот 1981). Конечно, темы, связанные с Кириллом-ученым, Кириллом-философом и Кирилло-Мефодиевской традицией в средневековой Венгрии, продолжают волновать его и по сей день. Об этом свидетельствуют его многочисленные статьи, опубликованные на разных языках (см. Magyar nyelvész... 2000), а также переработанное и расширенное новое издание монографии о жизни и деятельности Константина-Кирилла и Мефодия (H. Tóth 1991).

Темой данной статьи является рассмотрение *Похвального слова Кириллу* с точки зрения построения произведения, а также важнейших языковых средств, способствующих созданию величественного образа Кирилла в *Похвальном слове*. Оно написано близким учеником Кирилла и Мефодия Климентом Охридским ко дню памяти успения Кирилла (на 6 апреля).

Похвальное слово Кириллу представляет собой блестящее произведение торжественного красноречия. Об этом свидетельствует прежде всего его большое распространение в средние века. Оно известно в 23 списках, которые представляют собой две редакции: первичную и вторичную. Первичная редакция известна только в одном списке XIII века, в собрании П.И. Севастьянова (II собрание Севастьянова, № 1467). Это – рукопись болгарской редакции, она была обнаружена П.И. Севастьяновым на Святой горе, а в настоящее время хранится в ГРБ (ф. 270) в Москве. Текст первичной редакции был опубликован неоднократно. В наших наблюдениях мы исходим из текста, изданного Болгарской Академией Наук в 1970 году (Климент Охридски 1970: 415–428). С другой стороны, о популярности похвальных слов Климента Охридского свидетельствует также и неослабевающий интерес славистов к ним (Грашева 1966: 267–278, Велинова [Иванова] 1985: 24–36, Христова 1995: 109–116, Христова-Шомова 2000: 132–139), в том числе и к *Похвале Кириллу* (Лалева 1991: 32–45, Джамбелука-Коссова 1984, Велковска 1984).

Похвальное слово Кириллу написано на основании многолетнего личного опыта Климента, непосредственного свидетеля жизни и деятельности Кирилла. Это произведение передает истинное преклонение перед величием подвига Кирилла. Помимо создания достойного, восторженно-го образа „преблаженного Кирилла, нового апостола и учителя” оно прекрасно показывает и писательский талант Климента. Кроме того важно и то, что в этом произведении наглядно проявляются сила и богатство, образность болгарского языка IX века. Оно удивляет нас не только своей темой – прославлением дела выдающегося представителя человеческой культуры, первого славянского учителя-святого, игравшего выдающуюся роль в культурной жизни многочисленных славянских и неславянских стран, но и своим языком и искусством построения Климентом своей речи. В нем личные чувства Климента к любимому учителю сочетаются с глубокой убежденностью в правдивости его дела.

Из вышесказанного следует, что в средние века литература хочет не развлекать человека, а быть душеполезной. Средневековое произведение искусства имеет минимум две функции: кроме художественной оно имеет и практическую. В случае церковной литературы она направлена на спасение души. Эту идею подчеркивают сами средневековые авторы, которые пишут свои произведения для того, чтобы подать пример верующим для подражания, как и жизнь Иисуса была примером для подражания для апостолов и первых христиан. Как писал апостол Павел: „Будьте подражателями мне, как я Христу” (1 Кор. 11:1). Подражание является основным принципом для духовного построения христианской личности. Подражая святым, которые в свою очередь подражали Христу, верующие возвышаются до возможности имитации Христа. В конечном смысле все цели духовной деятельности людей в средние века подчинялись одной основной цели, чтобы Бог был восхвален и прославлен. В этом смысле вся агиографическая литература представляет собой как бы огромное похвальное слово Богу за его милость, которую он проявил к людям, когда послал им своих избранных людей: пророков, апостолов, мучеников, отшельников. Именно они показывают людям путь к спасению – через слово и дело.

Все святые предопределяются Богом для своей миссии еще до своего рождения, часто в утробе матери. Момент богоизбранничества особенно подчеркивается агиографами. Но для того, чтобы святой стал светом для мира, отражающим божественный свет, необходимо, чтобы он активно и внутренне избрал и принял свой путь как единственно возможный. Любой святой является продолжателем дела пророков, апостолов, так как он является орудием, избранным богом для спасения людей. Лучше всего прославляется Бог своими подражателями, которые сознательно посвятили себя ему.

Следовательно, чистое эстетическое наслаждение, которое мы сегодня часто ожидаем от произведений искусства, в средние века было немислимо, основная функция искусства была духовной. В церкви и в литургии все было направлено на то, „чтобы одновременно давать эстетическое наслаждение и возносить душу верующего к небесам” (Лазарев 1947: 27).

О литературе и писательском труде кирилло-мефодиевской эпохи очень важные для понимания рассматриваемого произведения мысли высказал Иоанн Экзарх Болгарский в *Шестоднев*. „Душа безбуковна мрътва явяеть ся в чловѣцѣжъ”, – писал Кирилл-философ в *Прогласе* к переводу Евангелия – первом славянском стихотворении. „Бессловесные” язычники подобны бездушному скоту. Язычников нужно было освободить как от духовного, так и от материального бессловесия. Следовательно, главная задача первых поколений болгарских и русских писателей – „освобождение слова”. Задача Иоанна Экзарха, как и всех вообще писателей кирилло-мефодиевского круга – „отворить уста” новообращенных славян, совершить чудо „отнятия бессловесия”, ибо владение Словом есть жизнь. Слово, как атрибут Бога, обладает реальной мощью („сказал – и стало”). Бог строит Словом, „сказует” мир. Гармония и стройность сотворенного мира составляют главный путь для богопознания, являющегося высшей целью человеческого существования.

Однако слово звучит не всуе в том случае, когда оно сопровождается (или предваряется) делом. Дело дает достоверность Слову. Слово Кирилла и Мефодия, слово их преемников предварено делом – крещением славянского народа, „языка нова”. Кирилл и Мефодий оживили „мертвые безбуковные души”, открыли глаза слепцов, косневших во тьме язычества, наставили их на правый путь (Панченко 1976: 32–37). Только Бог способен творить „без приклада”, т.е. образца, но раз Богом дан „приклад”, то следовать этому „прикладу” благочестивая обязанность любого христианского книжника. В этом смысле продолжение дела апостолов явилось для Кирилла и писателей его круга и долгом и необходимостью.

Климент Охридски пишет похвальное слово (в заглавии речи есть указания на жанр *похвала* и на цель *память*, т.е. чествование, воспоминания). Похвальное слово как жанр стоит в непосредственной функциональной и тематической связи с житием героя. Оно стремится наиболее полно показать святость героя. Задачей похвального слова является максимальное восхваление героя и подчеркивание его огромного значения. Ясность и логика и тут важны, но доминируют чувства, которые призваны вырвать своих слушателей из мира обыденности и ввести их в идеальный мир христианских добродетелей. Предметом произведений является духовная красота, духовный лик святого. Поэтико-риторические средства выражают оценки, поэтому они и употребляются в изобилии.

Художественное искусство автора проявляется прежде всего в подборе и умелом сочетании этих средств.

Похвальное слово Кириллу (в дальнейшем ПСК), подобно другим похвалам, написанным Климентом, разделяется на три композиционные части: вводную, биографическую и похвалу. Вводная часть представляет собой обращение к слушателям: „христороубцам”. Она чрезвычайно важна – в ней дается основная информация о Кирилле, и она вводит нас в эмоционально-художественный мир произведения. В своем обращении Климент называет Кирилла „преблаженным отцом”, „новым апостолом”, „наставником славянского народа” и „учителем всем странам”, который „своим благоверием и красотой воссиял на земле, словно солнце триипостасного божества, просвещая лучами мир” (Климент Охридски 1970: 426, перевод Калиганова 1990: 316–319). Так совсем коротко дается общая характеристика Кирилла. Все эти словосочетания являются ключевыми, они повторяются в речи несколько раз и играют важную роль в композиции. На первый план выдвигается христианская учительская и апостольская деятельность Кирилла и указывается поле действия – славянский народ. Тут Климент применяет умелую градацию: постепенно расширяет время и пространство. Праздник воссиял „нам”, присутствующим в данное время в церкви, Кирилл – „наш отец” и „наставник славянского народа”, значение дела которого существует, однако, в вечности и распространяется на „все страны”.

Называя Кирилла новым апостолом, Климент приравнивает его к апостолам, избранным ученикам Господа, превратившим желание Бога в историческую действительность. Из дальнейшего контекста становится ясно, что автор более конкретно имеет в виду деятельность апостола Павла. Из контекста всего произведения очевидно, что для Климента важно подчеркнуть, что после Петра и Павла деятельность Кирилла, который завершил не завершенное ими, придает апостольству завершенный характер. Несомненно число 3, которое встречается в ПСК 8 раз, вызвало ассоциации с завершенностью, хотя бы на основе триипостасного состава Бога, Святой Троицы.

В дальнейшем Климент отмечает те качества Кирилла, которые способствуют успеху его просветительской деятельности. Это – прежде всего „Премудрость Божья”, которая „создала в его сердце храм”, и „Святой Дух”, который „на языке его, словно на херувиме, почивает, вечно раздавая дары по мере веры”. Не случайно уже в обращении автора к своим слушателям подчеркивается благоверие и духовная красота Кирилла, как необходимые предпосылки его приверженности к Святому Духу, который „на его языке, словно на херувиме, почивает”. Сочетание „словно на херувиме” также очень важно, ибо оно указывает на то, что Кирилл подобно херувимам, высшим духовным существам, удостоен особенной близости к Богу. Херувимы охраняют престол Бога на небесах, и

неумолжно прославляют бесконечные совершенства Его не только в великом деле творения, но и искупления человека. Кирилл является таким же близким Богу, ибо всегда готов был исполнить волю Его.

Эту важную с точки зрения ПСК сжатую характеристику Кирилла, божьего человека, автор тут же подтверждает цитатами из Библии. Сначала он приводит слова апостола Павла, сказавшего: „Каждому же из нас дана благодать по мере дара Христова” (Еф. 4:7), а затем слова самого Господа по Иоанну (14:21): „а кто любит меня, и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам” „и Отец Мой возлюбит его, и мы придем к нему и обитель у него сотворим” (Ин. 14:23), „Я буду ему отцем, и он будет мне сыном” (2 Цар. 7:14). Следует отметить, что последнюю цитату Климент включает в свою речь в обратной последовательности („он будет мне сыном, и я буду ему отцем”), перенося акцент и внимание на Небесного Отца, ссылкой на которого и начинается следующий абзац. Все эти библейские цитаты составляют как бы одно синтаксическое целое, их конечный смысл сводится к тому, что Кирилл стал блаженным сосудом Святого Духа – Премудрости Божьей.

Указанная цитата – помимо завершения мысли автора во вступлении – служит и переходом ко второй, повествовательной части, в которой на основе известных из Пространного жития Кирилла событий Климент воссоздает образ своего героя. Однако Климент не рассказывает своим слушателям об этих событиях, не описывает их, а скорее напоминает, очерчивает двумя-тремя предложениями известные моменты жизни и деятельности Кирилла. В начале этой части Климент подчеркивает, что „его же [Небесного Отца] отечества хотел сей преблаженный отец и учитель наш”. Ради этой цели Кирилл по словам Писания оставил „красоту жития сего, дом и богатство, отца и мать, братьев и сестер” (ср. Мф. 19:29), „избегая житейских сладостей, вечно пребывая в псалмопении и в духовном поучении” (ср. Еф. 5:19). Климент подчеркивает, что Кирилл с детства стремился не к „внешним”, мирским наукам, а к благочестивым занятиям, обеспечивавшим ему постижение истинной христианской мудрости. Сего ради и приняли уста его Божью благодать, как сказал премудрый Соломон: „В уста премудрые принял благодать, закон и милость на языке носит” (Притч. 3:16).¹

Указание на то, что уста Кирилла приняли „Божью благодать.” и на то, что он „закон и милость на языке носит” свидетельствует о его избранничестве и даровании, ведь, по словам автора, именно с помощью закона и милости, т.е. Ветхого и Нового заветов „закрыв он злохульные рты еретиков”. Со стороны же композиции это предложение позволяет

---

¹ „(от устата и ислиза правда; закон и милост носи на езика си;)” Притч. 3:16. В кн.: Библия. София, 1993: 714. В Библиях на венгерском и русском языках эти слова отсутствуют.

Клименту перейти к припоминанию таких исторических дел Кирилла, как участие в борьбе против иконоборцев, в миссиях то к хазарам, то к сарацинам, в искоренении безбожия в фульском народе, просветительская деятельность среди славян и победа над представителями „триязычной ереси”.

Хотя образ Кирилла воссоздается на основе его конкретных исторических дел, они служат только выявлению его божественности, причастности к апостольской деятельности (не случайно подчеркивается в его деятельности борьба с ересями, связывающая его с великим предшественником – апостолом Павлом, который впервые тут упоминается конкретно). В результате, контуры образа Кирилла переливаются сиянием религиозного прославления, где благочестие, мудрость, красота сияют и греют, как солнце, а исторические дела Кирилла, благодаря риторическому восторгу, превращаются в боговдохновенные подвиги и сам Кирилл приобретает неземные черты.

Имея дар Святого Духа, выступив против еретиков, „он злобу их истребил духовной силой. Как только до него доходила весть о какой-либо хуле, возводимой на Божественные образы, он, словно на крыльях, устремлялся в различные страны и ясными словами рассеивал заблуждения и учил правоверию, завершая то, что не успел завершить апостол Павел”. Кирилл „словно орел, перелетал с Востока на Запад и с Севера на Юг... сияя, словно солнце, трисветлыми зорями и разрушая любую ложь”; „истребил он безбожное заблуждение, воссияв трибезначальным светом”. В конце перечисления основных мест, свидетельствующих о конкретных действиях Кирилла, приводится его наиболее важное апостольское дело – крещение и просвещение славян, которым он был назначен пастырем и учителем. В заключительном предложении: „И заткнул он пасти волкам, триязычным еретикам” содержится не только обобщенное указание на успех борьбы Кирилла против ересей, но во второй части предложения есть цитата (точнее: реминисценция): „и развязал язык косноязычным, наставляя письменами на путь спасения” (Ис. 32:4). В этой цитате указывается на вершину деятельности Кирилла, благодаря которой осуществился не только переход славянства от языческого мрака к свету Христа, но и переход от бессловесия и неразумия к пониманию Слова Христа. Климент при описании подвигов Кирилла, учителя и нового апостола, употребляет глаголы, выражающие активные действия (*истребляет злобу еретиков, рассеивает заблуждения, разрушает любую ложь* и т.д.). Но очень важно, что Кирилл всегда действует духовной, полученной от Святой Троицы силой и благодаря этим своим боговдохновенным действиям сияет, словно солнце, „трисветлыми, тройными зорями” или „трибезначальным светом”.

Переход к собственно торжественной похвале осуществляется в речи следующим предложением: „Если отдать должное его трудам и

странствиям, то нет никого более достойного такой похвалы". Автор начинает похвалу с обобщения, построенного на основе подвигов Кирилла в исключительно поэтической форме: „Ибо хоть и воссиял он позже других, но всех превзошел. И как денница, что восходит, озаряя светом звездный лик, испуская солнечные зори, так и сей преблаженный отец и учитель народа нашего, сияя ярче солнца тройными зорями, просветил без числа людей, погруженных во тьму неведения". Наблюдаемая в этой части восходящая градация выражает восторженное и патетическое настроение, которое овладевает автором при перечислении подвигов Кирилла. В своем восторге Климент ставит следующие риторические вопросы: „Какое место осталось для него неведомым и не освятилось его стопами? Какое искусство осталось непознанным его блаженной душе?" Следует обратить внимание на то, что в приведенных двух вопросительных предложениях в оригинале повторяется один и тот же глагол: *отказа*, и это не случайно. Этот глагол нужен автору для того, чтобы заявить: ничто не осталось для Кирилла скрытым, „ибо всем народам доступно раскрыл он сокровенные тайны словесных форм: одним – письмами, другим – учением". Значит Кирилл проникает в тайны Слова Божия и с помощью языка раскрывает их для „погруженных во тьму неведения". В заключение этой части Климент заявляет: „Излилась божья благодать на уста его, и сего ради благословил его Бог навски".

Так как слова *уста, язык*, связанные с апостольством, в семантическом отношении являются ключевыми, Климент продолжает свою речь следующими риторическими вопросами: „Чьи уста могут передать сладость его учения? Чей язык способен рассказать о подвигах, трудах и доброте его жития?" В этих вопросах уже содержится ответ, что никто не способен достойным образом передать подвиги Кирилла, и таким образом скромные возможности автора-проповедника противопоставляются богодарованным способностям Кирилла-философа.

С точки зрения композиции эти вопросы являются сигналами начала собственной похвалы, ее подготавливают, ее мотивируют, а по форме они представляют собой старые топоры, которые обязательны для похвальных слов. Одно за другим следуют предложения, в которых высоко ценится книжная, учительская и миссионерская деятельность Кирилла: „Бог создал уста его светлее света, чтобы просветить омраченных греховным заблуждением. Язык его источал сладостные и животворящие слова. Пречистые уста его расцвели премудростью. Пречестные персты его сотворили духовные органы и украсили их златозарными письменами". И в этих, и в последующих предложениях наблюдается восходящая градация, а акцент ставится на словах *уста, язык, персты*, которые гармонируют с ключевыми словами вводной части и всего похвального слова: *учитель, апостол, премудрость*. Только здесь особый акцент получает их роль, функция в процессе богопознания новых людей, тем самым акцент

с образа Кирилла переносится на достижения и на значение его трудов, их польза для людей вообще и конкретно для автора речи. Эту часть похвалы, ведущую непосредственно к ее кульминационной части, Климент завершает следующими словами: „Ибо его честные уста явились, словно некий прославляющий Бога серафим. Через них познали мы трисоставное Божество, единое по существу, а по свойствам и именам разделяемое и равно прославляемое – вечно сущих Отца, Сына и Святого Духа”.

После этого начинается кульминационная часть речи, т.н. *блаженние*, когда Климент славит – называя блаженными – не только уста и язык Кирилла, но и другие части его тела, которые были связаны с его миссионерской деятельностью, с его богоосвященной душевностью. Он славит его лик, „озаренный Святым Духом”, „златозарные очи”, „ангелозрачные зеницы”, „пречестные руки”, „богодвижимые персты”, „светозарные ноги”, „златозарные стопы” и его „пресвятую душу”, с помощью которых совершались его неземные подвиги и творения.

Эта часть составляет обособленное целое, которое по своему объему занимает половину собственной похвалы и строится на двенадцатикратном анафорическом обращении в начале: *εὐχαριστῶ, облажавам*, т.е. называю блаженным, славлю. Смысл этой славы сводится к тому, что подобно евангельским праведникам, которые благодаря своим добродетелям стали жителями неба, и Кирилл, благодаря своим многочисленным подвигам (благодатность которых указывается каждый раз в придаточном предложении), заслуживает царства небесного, и поэтому он является блаженным и достоин прославления. В каждом предложении после начальной анафоры следует сложный эпитет, состоящий в большинстве случаев из 4-х слогов, а на третьем месте в предложении стоит притяжательное местоимение *твой* (*σου*), за которым следует существительное. Таким образом каждое предложение состоит из четырех слов, организованных в строгой последовательности. Постоянное повторение анафоры *славлю* и притяжательного местоимения *твой*, на которые всегда падает ударение, создает ритмичность, которая еще более усиливается тем, что после существительного всегда большая цезура, так как после него начинается подчинительное придаточное предложение. Подчинительные предложения также однотипны, создают синтаксический параллелизм. Эти особенности организации текста придают произведению периодичность и плавность и создают определенное ритмичное звучание всего пассажа. Эта ритмическая часть речи заканчивается славой церкви и города, который приняли тело Кирилла, „третьего свершителя Божьего усмотрения. Он довершил оставшееся незавершенным двумя верховными светилами – имеются в виду апостолы Петр и Павел – и стал блаженным”. Климент сравнивает своего учителя с ними, заявив, что „свершив все службы и труды, сподобился он своим житием и верою этим святым отцам”.

Все похвальное слово характеризуется пропорциональностью частей, а также хорошо продуманной семантической взаимосвязанностью отдельных моментов. От начала до конца повторяются некоторые семантически важные слова, выражающие основные идеи и поэтому превращающиеся в ключевые слова: *учитель, премудрость, язык, уста, разум*. Заслуживает внимания образ света. В сравнениях и эпитетах употребляется: *солнце, звезда, денница, лучи* и т.д. Эти, часто сложные эпитеты и сравнения имеют не только поэтическую, но и смысловую функцию. По христианским представлениям Бог – это свет, а для того, чтобы подчеркнуть близость Кирилла Богу, наряду с эпитетами, указывающими на свет, зори, необходимы были и сложные эпитеты, в которые включалось слово *бог*, ибо Кирилл действует по божьей воле и является носителем божьих даров. Как видим, Климент в своем *Похвальном слове* не только утверждает и прославляет дело создателя славянского богослужения, славянской письменности, но и проявляет себя высокогалантливым средневековым писателем.

ЛИТЕРАТУРА

- Велинова [Иванова], В. 1985, Проблеми на индивидуалния стил в похвалните слова на Климент Охридски. *Език и литература* 40, № 4, 26–36.
- Велковска, Е. 1984, Наблюдения върху строежа на „Похвално слово за Кирил“ от Климент Охридски. В кн.: *Кирило-Методиевски студии 1*. София, 159–184.
- Грашсва, Л. 1966, Някои изобразителни принципи в похвалните слова на Климент Охридски. В кн.: *Климент Охридски*. София, 267–278.
- Джамбелука-Коссова, А. 1984, Наблюдения върху литературното наследство на Климент Охридски – към интерпретацията на „Похвално слово за Кирил“. В кн.: *Кирило-Методиевски студии 1*. София, 120–138.
- Калиганов, И. 1990, *Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков*. Москва, 316–319. (Цитаты из ПСК даются по этому переводу.)
- Климент Охридски 1970, *Събрани съчинения, том първи*. София. Обработал Б. Ст. Ангелов.
- Лазарев, В.Н. 1947, *История византийской живописи, т. 1*. Москва.
- Лалева, Т. 1991, Редакции на Климентовото Похвално слово за Кирил. В кн.: *Кирило-Методиевски студии 8*. София, 32–45.
- Панченко, А.М. 1976, Некоторые эстетические постулаты в „Шестоднев“ Иоанна Экзарха. В кн.: *Русско-болгарские фольклорные и литературные связи в двух томах, т. 1*. Ленинград, 32–41.
- Тот Имре 1981, *Константин-Кирил и Методий*. Превела от унгарски Марта Бурямарковска. София: Издателство на Отечествония фронт.
- Христова, И. 1995, Синтактичният паралелизъм в Словата на Климент Охридски. В кн.: *Кирило-Методиевски студии 10*. София, 109–116.

Христова-Шомова, И. 2000, Анафорична и деиктична употреба на показателните местоимения в словата на Климент Охридски. В кн.: *Кирило-Методиевски студии 13*. София, 132–139.

Magyar nyelvész pályaképek és önvallomások 58. H. Tóth Imre. ELTE Fonetikai Tanszék, 2000.

H. Tóth Imre 1981, *Konstantin-Cirill és Metód élete és működése*. Budapest: Magvető Kiadó.

H. Tóth Imre 1991, *Cirill-Konstantin és Metód élete, működése (Bevezetés a szláv kultúrtörténetbe)*. Második, átdolgozott kiadás. Szeged.